

Валерий Григорьев

ОБРЕЧЕНЫ НА ПОДВИГ

Книга первая

*Воспоминания
военного
летчика*

Валерий Григорьев

Обречены на подвиг. Книга первая

«Издательские решения»

2015

Григорьев В. В.

Обречены на подвиг. Книга первая / В. В. Григорьев —
«Издательские решения», 2015

Семидесятые-восемидесятые годы прошлого столетия. Разгар «брежневского застоя», но еще не «развала» Вооруженных сил. Авиация Советского Союза достигает пика в своем развитии. На конвейер поставлено не только производство современных самолетов, но и подготовка пилотов. Десятая часть военных летчиков приносится в жертву выбранной профессии, обреченных на подвиг в мирное время, но они об этом не догадываются, потому и не все так грустно...

Содержание

«Быть тебе летчиком!»	6
«Курсачи»	9
Мешает ли летчику плоскостопие?	9
Жернова испытаний	10
Прошел барокамеру!	12
Мандатная комиссия. Зачислен	13
Генеральское напутствие. Плох тот курсант...	14
КМБ	15
Сорванные погоны	15
«Мальчик, я тебя вижу!»	16
БАМАГА, КОЛИК... «Терпи! Скоро все закончится!»	18
«Пошел!»	19
За партой	22
«Война – это прекрасно!»	22
Тренажеры	25
«Высушил майорки?»	26
Госпиталь	28
Как блестят у кота яйца	30
Витька Лапа	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Обречены на подвиг

Книга первая

Валерий Васильевич Григорьев

...Этот обряд выполняется неукоснительно, если за столом собираются вместе хотя бы два летчика. Третий тост – «За БЗ!».

© Валерий Васильевич Григорьев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В переводе на мирской язык – за безопасность или безаварийность полетов.

Старший по званию или по возрасту летчик, обычно это командир, встает, прислоняет до краев наполненную рюмку к краю стола и говорит:

– Контакт!

Все присутствующие офицеры тоже прислоняют свои стаканы к краю стола. А самый молодой обводит их взглядом – готовы ли? – и докладывает:

– Есть контакт!

– От винта! – командует старший.

Все встают. Молодой пилот опять зорко, как и положено молодому, оглядывает застолье, проверяя готовность, и торжественно докладывает:

– Есть от винта!

– Будем жить! – говорит командир и первым опрокидывает чарку.

Пьют до дна.

За скупыми словами «Будем жить!» скрываются все радости и горести летной профессии, и память о друзьях, не вернувшихся из полета, и пожелание, чтобы сия участь миновала тех, чье плечо ты чувствуешь рядом сейчас...

Автор Григорьев Валерий Васильевич. В прошлом профессиональный военный летчик, прошедший службу в истребительной авиации Противовоздушной обороны и Военно-воздушных сил Советского Союза и России. Службе в Вооруженных силах посвятил более тридцати лет своей жизни, пройдя все командные летные должности: от рядового летчика до командира истребительного авиационного полка. Окончил военную командную академию Противовоздушной обороны. Более десяти лет командовал истребительным авиационным полком. Звание полковник. За свою «летную жизнь» освоил более полутора десятков летательных аппаратов. Большую часть своей жизни летал на самолетах МиГ-25 и МиГ-31. За многолетнюю летную работу и большой вклад в дело укрепления обороноспособности страны Указом Президента России удостоен Звания «Заслуженный военный летчик Российской Федерации».

«БЫТЬ ТЕБЕ ЛЕТЧИКОМ!»

Бывает любовь мужчины к женщине с первого взгляда, и это чувство, мне знакомое, наверное, испытали большинство живущих и когда-либо живших на планете представителей сильной половины человечества. Возможно и не по одному разу. А вот можно ли влюбиться с первого раза, с первого взгляда, с первых ощущений в ремесло, да так, чтобы это было единственной любовью всей жизни. Уверен, что не всем ведомо это ничем не сравнимое чувство. Мне повезло, и я хочу рассказать, как это было.

А случилось это много-много лет назад, когда я был совсем маленьким мальчиком дошкольного возраста. Детские воспоминания врезались в память так, что я закрываю глаза и вижу тот далекий летний день шестидесятого года прошлого столетия.

На серебристом красавце Ил-14 мы летим к родственникам. Мне, семилетнему, место не полагается, я сижу у мамы на коленях. Не сижу, а ерзаю, и не столько от неудобства, сколько от желания смотреть в иллюминатор. А его закрывает сосед! Да еще делает вид, что не замечает моих попыток разглядеть что-нибудь из-за его широченной спины.

И тут происходит обыкновенное чудо. Мимо идет летчик из экипажа. Он замечает мои мучения и с позволения матери забирает меня в пилотскую кабину...

Представившийся вид покорила меня раз и навсегда. Под нами проплывала, насколько хватало глаз, облачность, которая сплошным хлопковым одеялом покрывала землю и сияла ослепительной белизной в лучах яркого солнца. Небо невероятной прозрачности завораживало своей голубизной.

Очарованный ранее невиданной красотой, я остолбенел между пилотскими креслами. От двух, бешено вращающихся пропеллеры двигателей, работающей аппаратуры стоял невообразимый шум. О чем говорят пилоты, я скорее догадывался по шевелению их губ, чем по произносимым звукам. Они разговаривали на понятном лишь им языке и понимали друг друга с полуслова. К тому же на их головы были одеты массивные наушники, надежно преграждающие все посторонние звуки и передающие необходимую информацию. Из состояния оцепенения меня вывел левый пилот, который со словами:

– Ну, что, нравится? – сгрёб меня в охапку и усадил к себе на колени. Я благодарно закивал своей белобрысой головой и уставился на шевелящийся, как живой, передо мной штурвал, который двигался синхронно с движением своего собрата с правой стороны. Правый летчик короткими движениями «таскал» рога этого странного «руля». Десятки приборов с белыми дрожащими стрелками и черными циферблатами что-то показывали на приборной доске. Лётчик положил мои руки на самодвижущийся штурвал и подбадривающе крикнул:

– Так, что, действительно нравится?!

Не в состоянии выдать из себя слово, в знак согласия, сжал кулачок и оттопырил большой палец.

– Значит, быть тебе летчиком! – пророчески произнес пилот.

– А теперь смотри и учись, как надо управлять самолетом!

– Штурвал на себя, самолет лезет вверх, от себя – вниз, повернул, влево и самолет поворачивается влево, вправо и он вправо. Все очень просто!

Проведя краткий инструктаж, летчик, не причиняя мне боли, положивши свои ладони поверх моих, стал показывать, как это делается практически. Совместное управление у нас получалось неплохо. Самолет, послушно повинувшись нашим движениям и воле, плавно поднимал и опускал «нос», левое и правое крыло. Убедившись, что я освоил азы пилотирования, мой первый инструктор освободил мои ладони, давая понять, и чтобы не было сомнений, подбадривающе сказал:

– Управляй!

Не веря своему счастью, я вцепился маленькими ручонками в натертые и отшлифованные до блеска мужскими руками «рога» штурвала, не зная, что с ним делать. Правый летчик встал со своего рабочего места, как мне показалось, недовольно демонстрируя тем самым, что предоставляет нам полную свободу действий и в этом «грязном» деле не участвует. Какое-то время самолет летел сам по себе, без каких либо отклонений и колебаний, пока я не вмешался в этот процесс. Стоило мне потянуть штурвал на себя, как небо передо мной начинало вздыбливаться, а земля уходит куда-то вниз. Поняв, что я делаю что-то не так, я отчаянно отдавал «рога» штурвала от себя. Самолет нехотя приостановил движение, но все еще упрямо «лез» вверх. Стараясь прекратить этот маневр, я что есть сил переводил его на снижение, большую часть времени уделяя ни положению самолета в воздухе, а злополучному штурвалу, который несколько секунд назад был таким послушным и управляемым, а сейчас вышел из повиновения. Бросив взгляд через остекление фонаря, я понял, что произошел «перебор». Хлопья облаков почему-то увеличились в размерах и закрыли переднюю часть обзора, а небо, наоборот, «ушло» куда-то назад, за спину. Самолет, странно реагируя на мое управление начал раскачиваться из стороны в сторону, попеременно то, опуская то, поднимая крылья. Страх, больше похожий на панику, охватил мою детскую душу, я понял, что самому из этой ситуации мне не выбраться, продолжал невпопад таскать непослушные «рога». Стресс, расширив временные рамки, как мне показалось, превратил несколько секунд моего полета в вечность. В тот момент, когда я полностью потерял контроль над машиной, мой учитель, ловко перехватив штурвал, в несколько секунд привел всё в порядок. Весело перекинувшись с напарником о нынешнем самочувствии пассажиров, вполне серьезно сказал:

– Ну, что ж, для первого раза неплохо!

Правый пилот занял свое место, явно не одобряя педагогический эксперимент, недоброжелательно поглядывая в мою сторону, привычными движениями продолжал управлять машиной. Оставаясь на коленях летчика, я, несмотря на похвалу командира, чувствовал свою полнейшую несостоятельность. Но с колен меня никто не гнал, и я стал наблюдать за работой экипажа. Едва заметными движениями пилоты подчиняли своей воле это чудо техники под названием «самолет». Они вели между собой переговоры на русском, но каком-то странном языке. Масса неведомых мне слов на фоне рокота двигателей и треска работающей аппаратуры очаровывала детскую душу как прекрасная музыка. В кабине было невероятно жарко от излучающих тепло приборов и агрегатов. Кондиционеров в ту пору не было, и маленьких вентиляторов, весело вращающие свои резиновые лопасти, явно не хватало. Пот большими каплями скатывался с мужественных, обветренных и загорелых лиц членов летного экипажа. Спасаясь от жары, они были выше пояса без верхней одежды. Майки мокрые от пота на груди, спине и под мышками разносили по кабине терпкий мужской аромат, перемешанный с запахом, присущим только самолетам. Много позже я понял, что так пахнет герметик, которым уплотняли стыки остекления и фюзеляжа. Периодически экипаж утолял жажду, пренебрегая правилами личной гигиены, прямо из носика громадного армейского чугунного чайника.

А для меня и жара и запахи, и пилотская кабина, и особенно, вид из неё, были бальзамом на мою детскую душу.

Тем временем полет подходил к завершению. Плавно отклонив штурвал от себя, летчики перевели самолет на снижение. Покрывало облаков неумолимо приближалось к нам. Перед самым входом в облака было немного жутковато. Какой-то инстинкт самосохранения тревожил мою детскую душу при виде преграды, столкновение с которой было неминуемо. Но я был достаточно взрослым, чтобы ни понимать, что такое облака и из чего они состоят. Взяв себя в руки, я вместе с экипажем хладнокровно вошел в эту пушистую и белоснежную как хлопок вату. После ослепительного солнечного света было такое ощущение, что мы окунулись в громадную банку с молоком. По мере снижения «молоко» темнело, и через некоторое время нас окутала темно-серая хмарь. Мелкий бисер капель покрыл остекление фонаря кабины само-

лета. «Слепой» полет особого впечатления на меня не произвел. Экипаж уже не был настроен на шутивно-игривый тон, сосредоточенные лица говорили о большом внутреннем напряжении. И хотя я, по-прежнему, оставался на коленях у командира, но каким-то внутренним чутьем понимал, что в эти минуты мне в кабине пилотов не место. Стараясь сидеть как мышь под веником, молил Бога, что бы меня ни попросили из приглянувшегося мне местечка. К счастью полет в облаках продолжался не так долго, что бы успеть существенно, помешать пилотированию, и я благополучно остался на командирских коленях.

Под облаками мелкая морось на фонаре прекратилась, видимость была прекрасная. Зеленые, ярко-зеленые, желтые, коричневые лоскуты полей гигантским одеялом покрывали проплывающую под нами поверхность земли. Вот на темно-коричневом поле ползет трактор величиной с божью коровку. Небольшой пыльный след серым дымком тянется за его плугом. Узкой фиолетовой тесьмой пролегла автомагистраль с букашками автомобилей. Широкой, синей лентой, брошенной умелой рукой, с неровными, но округлыми зигзагами под нами появилась река. Игрушечные кораблики, оставляя за собой белый пенный след, с черепашьей скоростью бороздят по ее руслу. Иногда мне казалось, что я попал в какой-то сказочный мир. Нереальность происходящего была такой, что порой в детской несмышленной голове возникало желание протянуть руку и потрогать или забрать эти игрушки.

Невероятная духота, экзотические запахи в совокупности со сказочными картинками увиденного и звуками подействовали на меня так, что после этого полета я стал бредить авиацией и кроме как летчиком во взрослой жизни себя никем не представлял.

Конечно, авиационную терминологию в описании своих детских воспоминаний я узнал гораздо позже, когда стал профессиональным летчиком, но все остальное было именно так. Тот полет, врезавшийся мне в память на всю жизнь, стал любовью к авиации на всю жизнь, и определил мою дальнейшую жизнь и судьбу.

«Курсачи»

Годен!

Мешает ли летчику плоскостопие?

С того самого первого полета на серебристом красавце Ил-14, в семилетнем возрасте, я точно знал, что буду только летчиком. Об этом знали все мои многочисленные родственники, друзья и однокашники. Учеба, спорт, увлечения – все было подчинено цели стать авиатором. Я читал в основном об авиации, занимался в авиамodelьном кружке и в школе юных космонавтов.

С ранней весны и до поздней осени я спал на свежем воздухе в саду своей бабушки. Мне нравилось вдыхать чистый, прохладный воздух насыщенный цветочным и травяным ароматом. Укутавшись в одеяло, я любил смотреть в черное, как смоль южное небо. Я мог часами наблюдать за яркими на темном фоне звездами, млечным путем, следить за изредка пересекающими ночной небосвод и мерцающими как маленькие звездочки, искусственными спутниками. Но больше всего мне нравилось слушать надрывный гул пролетающих где-то высоко-высоко самолетов. Я очень быстро научился находить по звуку бортовые огни самолетов на черном фоне неба. Сопровождая взглядом пролетающие в небесах огоньки, я четко представлял темную кабину пилотов, светящиеся зеленым цветом табло и лампочки, и красным, почему-то красным, цветом циферблаты и стрелки приборов. Были это толи гражданские самолеты на воздушных трассах над моим городом, толи бомберы, выполняющие учебно-боевые задания, но не было ночи, что бы я ни засыпал под эту самую прекрасную в мире мелодию.

Мне не терпелось поскорее окончить школу и поступить в военное училище летчиков. О профессии гражданского пилота я даже и не думал. Я заранее записался в военкомате кандидатом для поступления в летное училище.

И вот однажды меня вызывают в военкомат для прохождения медицинской комиссии. Волнуясь, впервые в жизни я начал проверять свое здоровье. Гражданские врачи местной поликлиники, по предписанию военкомата, чувствуя бремя ответственности, проверяли меня внимательно и придирчиво, как человека минимум готовящегося к полету в космос. Строго вглядываясь в мои глаза, как будто я иду на подлог или обман, спрашивали, падал ли я в обморок, получал ли черепно-мозговые травмы, кружится ли у меня голова, каким спортом я занимался и какие результаты, и так далее и тому подобное. После каждого такого допроса с пристрастием, доктора, как бы нехотя записывали в моей медицинской книжке: диагноз – «здоров». Правда, была одна неприятная заминка – хирург не хотел пропускать меня из-за легкой степени плоскостопия. Вполне серьезно придавая этому диагнозу большое значение, как будто у меня какой-то страшный неизлечимый порок, он заставил сделать рентген стопы. Мы вместе транспортиром измеряли угол между опорными костями. Буквально на один градус он не соответствовал предельно-допустимому. Чуть не со слезами на глазах я уговаривал дотошного хирурга закрыть глаза на этот несчастный градус. Тот, видя мое неподдельное горе, сжалился и, в конце концов, взяв грех на душу, поставил желанную резолюцию – «здоров».

Жернова испытаний

После этого нас, семерых счастливичков, военкомат отправил проходить медицинскую комиссию непосредственно в училище – благо до него было менее чем триста километров. В душном общем вагоне мы неспешно вели разговоры о том, что нам предстояло испытать. Все семеро были помешаны на авиации и не представляли своей дальнейшей жизни без самолетов. И вот, уже к концу пути наш поезд останавливается прямо в поле. По вагонам пронеслось: «Зарезали!»

Любопытство вытолкнуло нас наружу поглазеть, что произошло. На насыпи лежало обезглавленное тело. Голова с седой шевелюрой осталась под вагоном. Подошедший машинист ловко пролез между колесными парами и буднично, словно ему приходилось делать это едва ли не каждый день, прямо за седые волосы вынес из-под вагона голову, положил ее рядом с телом несчастного: то ли это был самоубийца, то ли незадачливый выпивоха, решивший отдохнуть на рельсах. От этой жуткой картины кое-кому из зевак стало плохо.

На меня увиденное также подействовало не лучшим образом. Весь остаток пути мертвая седая голова в руках машиниста маячила перед глазами. В то время я еще не слышал об ауто-тренинге, но, тем не менее, сам себе внушал: «Успокойся! Выкинь все из памяти! Тебе комиссию проходить!» Возможно, это подействовало, и через какое-то время я забыл о жутком происшествии.

Из нас семерых осилили медкомиссию только двое. Ребят подвели подскочившее артериальное давление, учатившийся пульс. Один из моих товарищей позже признался, что именно тот случай на перегоне повлиял на его состояние. Он не стал летчиком. Возможно, это и к лучшему: авиация кисейных барышень не любит, и высокая психологическая устойчивость – не самое последнее качество для профессионального летчика.

На мое плоскостопие в этот раз никто не обратил внимание. Да и в последующие тридцать с лишним лет службы в военной авиации – тоже. До сих пор не могу понять, каким образом плоскостопие может влиять на профессиональную деятельность пилота.

И вот настает жаркий июльский вечер. На перроне железнодорожного вокзала меня провожают мать, отчим, младшие братья. Новенький аттестат зрелости аккуратно уложен в картонные «корочки». С направлением от военкомата, полный надежд и оптимизма, я уезжаю поступать в Высшее военное авиационное училище летчиков.

На три с половиной сотни вакантных мест – три с половиной тысячи желающих. Конкурс – один к десяти! Мы сдавали стандартные для технического ВУЗа вступительные экзамены. Но самым серьезным испытанием оказалась очередная врачебная комиссия, венцом которой были «подъемы» в барокамере на высоту пять тысяч метров без дополнительного кислорода и на высоту десять тысяч метров при дыхании чистым кислородом. Дойти до этого заветного испытания смогли не все.

Разношерстные толпы молодых людей сновали по территории училища, не выпуская учебники из рук. Всюду обсуждались последние новости и слухи. Говорили, для того чтобы пройти по конкурсу, достаточно хорошо сдать математику и физику, а уж иностранный и литературу примут.

Среди абитуриентов было много незаурядных личностей. Я познакомился и сдружился с дагестанцем по фамилии Вагабов, немного наивным, плохо говорящим по-русски. Он обладал нечеловеческой физической силой. Его рукопожатия никто не выдерживал: зажатые в тиски его громадной ладони кости буквально хрустели. Он закончил в Махачкале аэроклуб, уже имел опыт самостоятельных полетов на Як-18 и страстно желал стать летчиком. Это была уже третья его попытка поступить в училище, все предыдущие заканчивались неудачами – он не мог даже на тройки сдать вступительные экзамены. Как-то произошел спор, кто съест

маленькую пачку печенья за десять шагов. Этот старый прикол многие использовали, чтобы заработать деньги. Нормальный человек не в состоянии был справиться с такой, на первый взгляд, простой задачей. Вагабов внимательно наблюдавший за неудачными попытками молча, подошел, взял печенье и буквально в одну секунду его проглотил, не успев дойти до финиша. Пришлось «кидалам» раскошелиться и отдавать ему честно заработанные деньги. Не поступил кавказский богатырь и на этот раз. Забегая немного вперед, скажу, что судьба меня свела с этим человеком еще один раз, чтобы лишний раз убедиться в его незаурядных физических способностях. Но об этом позже.

Еще, помню, произвел на меня большое впечатление парень из Донецка. Член команды «Дубль» донецкого «Шахтера», с внешностью Алена Делона, он так виртуозно владел мячом, что его быстро заметили и «определили» в сборную училища. Казалось бы, поступление гарантировано, но не тут-то было. Парень указал в анкете, что он мастер спорта СССР, а футболистов и боксеров такого уровня по негласному распоряжению медиков в летчики не брали, справедливо полагая, что микросотрясения головного мозга у них обязательно были. Так сборная училища потеряла перспективного игрока, а страна, возможно первоклассного летчика.

Жернова вступительных экзаменов и медицинской комиссии работали параллельно. Требования врачей были действительно очень жесткими, банальный кариес преграждал путь в авиацию. Ежедневно зачитывали списки абитуриентов, не прошедших комиссию. Многие уезжали со слезами на глазах, проклиная перестраховщиков-докторов.

Прошел барокамеру!

Без большого напряжения я сдал математику и физику. Вот уже и все врачи пройдены, осталась эта «страшная», по слухам, барокамера, вернее, даже две. Я уже знал, что главное – не завалиться при первом подъеме, на пять тысяч метров без дополнительного питания кислородом. Прецедентов неудачного подъема на десять тысяч метров при дыхании чистым кислородом не было, а вот пять тысяч не выдерживал почти каждый третий. Я думаю, что основным условием успешного преодоления этого рубежа была психологическая устойчивость. Тем не менее, это был вполне оправданный тест по отбору будущих пилотов. Кое у кого не выдерживали нервы, и они в самый последний момент отказывались «лететь», но большинство «резалось» уже в самой барокамере. Бывали единичные случаи и потери сознания в самой барокамере.

Наступил день, когда и меня с товарищами по испытаниям посадили в большую металлическую бочку с маленьким иллюминатором, стекло в нем – толстое, бронированное, выдерживающее большие перепады давления. Врач подсоединил нам к запястьям и щиколоткам датчики для снятия кардиограммы, туго затянул на предплечье черные жгуты тонометра. На головы мы надели кожаные летные шлемофоны с болтающимися на тесемках, но не подсоединенными кислородными масками. Включили подачу чистого кислорода и проверили работу дыхательных аппаратов. Проинструктировав, как себя вести при ухудшении самочувствия, как переходить на чистый кислород, врач с грохотом закрыл и задраил за собой люк. Было ощущение, что мы готовимся к погружению в батискафе, а не к подъему на высоту.

– Подъем!

Приглушенно заработали откачивающие компрессоры, зашелестел по трубопроводам воздушный поток, дернулись стрелки приборов. Указатель высотомера начал уверенно вращаться по часовой стрелке, а вариометр – прибор, показывающий вертикальную скорость набора или снижения – отклонился на отметку десять метров в секунду набора. В нашем замкнутом пространстве становилось все прохладнее. Через маленькое окошко иллюминатора на нас внимательно поглядывал врач, постоянно задавая вопросы типа «Сколько будет пятью пять?».

На меня недостаток кислорода не действовал, я чувствовал себя прекрасно, на вопросы, которые казались простыми до глупости, отвечал четко.

На «высоте» около пяти тысяч метров один из ребят стал говорить невнятно, с запинками и паузами. Опытный врач тут же включил режим экстренного снижения, и мы с вертикальной скоростью более тридцати метров в секунду понеслись «к земле». Бледного несостоявшегося летчика вывели. Нас, троих оставшихся, ободрил и порадовал, что заодно на спуске были проверены барофункции носа и ушей, опять стали поднимать на заветную высоту. В течение полутора часа мы пробыли на пяти тысячах, отвечая на вопросы для семилетних детей, затем плавно, без всяких приключений опустили на родную планету.

На следующий день нас заблаговременно посадили в камеру и в течение часа заставили дышать чистым кислородом, чтобы вытравить из нашей еще не испорченной молодой крови азот, а заодно и проверить работу кислородных приборов. Мне чистый O_2 понравился. Немного суховатая, но свежая живительная струя под небольшим напором наполняла легкие. Дышать было удивительно легко и приятно. Впоследствии чистый кислород всегда был связан для меня с авиацией, как и запах, герметика, присущий всем самолетам.

С восторгом смотрел я на стрелку высотомера, застывшую на десяти километрах, сознавая, что очередной рубеж на пути к цели преодолен. В моей первой медицинской книжке появилась заветная запись: «Годеи к полетам в истребительной авиации Войск ПВО без ограничений».

Мандатная комиссия. Зачислен

Итак, все испытания и экзамены позади. Таких счастливицков набралось человек тридцать.

Первая мандатная комиссия. Передо мной ее проходил бывший моряк срочной службы Вася со странной фамилией Капуста. Едва он скрылся за дверью, как раздался дружный хохот членов комиссии. И еще несколько раз из-за двери доносилось веселое офицерское ржание. Чем же их так насмешил этот совсем не смешной абитуриент в моряцкой форме? Через пару минут выскочил один из членов комиссии и, еле сдерживая одновременно хохот и негодование, еще раз скороговоркой объяснил, кому надо докладывать. Оказывается, brave «мореман» так разволновался, что попутал председателя комиссии с секретарем, то есть полковника со сверхсрочником. Его пытались поправить, но он упорно обращался к секретарю: «Товарищ полковник...» В конце концов, председатель встал из-за стола и повернул незадачливого абитуриента лицом к себе. Вася, окончательно впав в коматозное состояние, если и отвечал на вопросы комиссии, то морозил такое, что все хватались за животы. Красный, как рак, и мокрый от пота, он выскочил с безнадёжным:

– Зарубят!

И вот после такого казуса захожу я. Без труда вычислив председателя, я не оправдал надежды комиссии на продолжение юмористической паузы, а бойко и четко доложил:

– Товарищ полковник! Абитуриент Григорьев для прохождения мандатной комиссии прибыл.

Лица полковников и подполковников обрели казенное выражение. Как и положено, спросили: кто таков, откуда родом, кто родители и так далее. Затем председатель комиссии поздравил с поступлением в Высшее военное авиационное училище летчиков авиации ПВО.

Один за другим скрывались мои товарищи за дверью и вылетали оттуда счастливые. Только Вася Капустин оставался в неведении о своей дальнейшей судьбе. То ли председатель комиссии за общим весельем забыл довести до него решение, то ли от волнения у парня отшибло память, но он нервно повторял:

– Всё, зарубили моряка Черноморского флота!

Наконец вышел командир роты и успокоил бедолагу:

– Да зачислен ты, зачислен!

На радостях Вася даже лихо пропел и протанцевал матросское «яблочко».

На следующий день нас постригли наголо, выдали новенькую, пахнущую складом форму со всеми атрибутами, велели подшить курсантские погоны и подворотнички. С белыми, незагоревшими макушками, с тонкими юношескими шеями, угловатые и неловкие в курсантской форме, мы были предметом зависти пребывающих в неизвестности абитуриентов.

Генеральское напутствие. Плох тот курсант...

Как-то по казарме пронеслось:

– Срочно строиться!

Нас прибыл поздравить шеф училища, генерал-майор авиации Голодников, а с ним заместитель начальника управления вузов по авиации, генерал-лейтенант авиации Сметанин, высокий, статный, с мужественным лицом и благородной проседью на висках. Когда генералы подошли к неровному строю, один из будущих штурманов рухнул в обморок прямо им под ноги. Невозмутимо глянув на распластанные курсантские мощи, генерал Сметанин спросил:

– На летном факультете?

Услышав отрицательный ответ, он, как мне показалось, пренебрежительно перешагнул через курсанта и приказал оказать ему медицинскую помощь. После того как утащили обмякшее тело слабака, генерал Голодников скупно поздравил нас с поступлением, пообещав не сладкую, но интересную курсантскую и офицерскую жизнь. Зато из долгой и эмоциональной речи генерала Сметанина мне запомнилось, что одна часть из нас станет Героями Советского Союза, другая – генералами. Ну, а самые никчемные – как минимум полковниками и заслуженными военными летчиками страны. В отношении меня сбылась последняя часть пророчества. Но вот с генералами и Героями, как-то не сбылось. Из нашего выпуска генералами стали трое, Героев не получилось. Зато до полковников «доросло» десятка три, не менее. Но в те минуты генеральские слова были как бальзам на юную душу. Еще не закаленные суровыми буднями, мы уже видели себя в генеральских погонах и со звездами Героев на груди.

Бывалый летчик, генерал Сметанин прекрасно понимал, насколько тернист и труден будет наш путь в профессию, и не лепестками роз он усыпан, а их шипами, и чреват неизбежными потерями друзей и товарищей, потому и приукрасил наше будущее. О том, что не каждый доживет до старости, он предпочел промолчать, а ведь знал, старый вояка, что доживут не все! Однако если бы нам и сказали, что кое-то из нас навечно останется молодым, вряд ли кто-то покинул бы строй.

Так уж устроен человек: он даже на войне верит, что убьют другого, а уж в мирное-то время если кто и погибнет, то только не он. Честно говоря, я, как и большинство моих друзей, ни тогда, ни в другое время не думал об этом. Только по прошествии многих лет, анализируя статистику, понял, что все преждевременные смерти были запрограммированы, предрешены. Среднее математическое ожидание небоевых потерь летчиков за время их службы составляло в Советском Союзе около десяти процентов. Отклоняясь в ту или иную сторону, эти десять процентов четко прослеживаются от выпуска к выпуску, подтверждая строгость математической науки. И, к сожалению, в эти проценты попадали не только слабаки. Тысячи факторов, иногда самых невероятных и нелепых, оказывают влияние на исход полета. Многим летчикам сопутствовало необычайное везение, а многим и фатальные неудачи. И то, что я не попал в эту трагическую десятку, налетав более трех тысяч часов на истребителях разных поколений, можно объяснить не только высоким профессионализмом, но и отчасти заботами моего ангела-хранителя, вовремя отводившего беду в, казалось бы, безнадежных ситуациях.

«В те времена далекие, теперь почти былинные», как пел незабвенный Владимир Семёнович Высоцкий, наши не загруженные информацией и не обремененные жизненным опытом головы думали совсем о другом. Всем хотелось быстрее оказаться в кабине самолета и окунуться в небеса.

Итак, через три недели после отъезда из дома, я стал военным человеком, раз и навсегда связав себя с армией и авиацией.

КМБ

Сорванные погоны

До начала занятий целый месяц. Мы, уже зачисленные, – бесплатная и безропотная рабочая сила. Каждое утро нас сажают в громадный армейский с брезентовым тентом грузовик и везут к так называемым шефам – непонятно, правда, кто кому шефы. К моему удивлению, их у училища много, и самых разных: мы работали и в химчистке, и на разгрузке вагонов, и в овощехранилище, и даже в психушке. Именно в этом, мягко говоря, экзотическом заведении у нас произошла первая потеря. Мы работали вместе с пациентами этого учреждения. Видимо, трудотерапия в больнице была не на последнем месте. На первый взгляд, эти угрюмые дядьки и тетки ничем особым не отличались от нас, только что признанных абсолютно здоровыми. Но мы, осознавая их статус и диагноз, немного опасались и не лезли с расспросами в их заблудшие души. Так и работали, словно не замечая друг друга. Мяли босыми ногами гору капусты для квашения, размешивали в громадном корыте цементный раствор, таскали тяжелые носилки с бетоном. И все бы хорошо, но в одну из морально неустойчивых бригад попал наш собрат, такой же неустойчивый курсант. Суровые, скупые на слова аборигены как-то угворили его сгонять в ближайший «чепок» за «Солнцедаром» – дешевым крепленным вином, очень популярным в ту пору у советского народа. Притащив целую авоську «огнетушителей» по 0,7 литра каждый, курсант вместе с новыми друзьями принялся их опустошать и к моменту отъезда из «дурдома» набрался так, что его пришлось выносить на руках. Благодарные собутыльники провожали его мутными, но добрыми взглядами.

На следующий день бедолагу вывели перед строем еще абитуриентов и уже курсантов и в назидание им всем, торжественно, как смертный приговор во времена Средневековья, зачитали приказ начальника училища об отчислении. Уверенные руки командира роты умело и картинно, как руки палача, накидывающие на шею петлю, сорвали свежепришитые, голубые с золотой канвой и черной окаемкой погоны. Настоящие, искренние слезы катились из печальных глаз несостоявшегося пилота. Молча мы проводили скорбно удаляющуюся фигуру вчера еще счастливого парня. Это была первая, но далеко не последняя наша потеря, случившаяся из-за нарушения правил воинской дисциплины.

Потом в ближайшем колхозе мы убрали поспевающие помидоры. Работали до обеда, после чего заслуженно дрыхли и набирались сил для вечерних посиделок с местной молодежью. Кормили нас по-домашнему, вкусно и щедро. Блаженно засыпали мы под черным, полным ярких звезд южным небом, с удовольствием вдыхая прохладный воздух. За две недели такого «курорта» щеки многих «курсачей» округлились и приобрели здоровый деревенский румянец. Крепко помня урок, преподанный нам недавно в сумасшедшем доме, спиртным мы не злоупотребляли и вернулись в стены училища в полном здравии и в полном составе.

На летный факультет был недобор: медики «зарезали» основную массу абитуриентов. Прощедшим ВЛК, но получившим на экзаменах «неуды», предложили пересдачу. Многие этим воспользовались и благополучно стали курсантами. В наше классное отделение попал один из таких пересдавших – Стас Сарогян. Про него тут же сочинили стишок:

– Самый мудрый из армян – это Стасик Сарогян.

Забегая вперед, надо сказать, что мудрый-то он мудрый, но как начал пересдавать – так и не остановился. Умудряясь в каждую сессию получать по всем предметам двойки, Стас ни разу не ездил на каникулы и в отпуск – пересдавал. Промучился так полтора года и был отчислен перед самыми полетами.

«Мальчик, я тебя вижу!»

В стенах родного училища нас ждал курс молодого бойца, или, как его сокращенно называют, КМБ. Командир курсантского батальона, командиры рот и командиры взводов должны были в течение месяца сделать из семнадцатилетних мальчишек не летчиков, но солдат. Отводилось на это ежедневно по восемь часов плановых занятий и четыре часа «самоподготовки».

В шесть утра с секундомером в руках в казарме появлялся один из командиров:

– Подъем!

И мы, как это иногда показывают в кино, дружно вскакиваем, надеваем свое «хабэ», мотаем портянки, натягиваем сапоги. Венец всему – ремень и пилотка. Пуговицы должны быть застегнуты, портянки намотаны правильно, ремень туго затянут, а его бляха – находиться на предпоследней снизу пуговице. Пилотка молодежато чуть наклонена вправо, ее передний край – ровнехонько на два пальца выше линии бровей.

Кося глазом на секундомер, командир придирчиво оглядывает строй.

– Отбой!

И все повторяется в обратном порядке: пилотка, ремень, сапоги, портянки, обмундирование... Мы лихорадочно сбрасываем все это с себя, складываем так, как прописано в Уставе, и ныряем в еще не остывшие постели. И – опять все сначала. Покорив сорокасекундные рамки норматива, стали оттачивать мастерство по одеванию и раздеванию самих себя. Число тренировок с каждым днем стало убывать.

Мы быстро поняли, что от нас просто так не отстанут, и в короткие сроки постигли несложные армейские премудрости. Весь день был расписан по минутам. Не надо было думать, что делать и как. Всё за нас знали младшие командиры.

Их из нашей среды выявил месяц муштры. В основном это были курсанты, имевшие опыт срочной службы. Став сержантами и вкусив сладость хоть маленькой, но власти, кое-кто из них стал откровенно измываться над своими сотоварищами.

Черноморец Вася Капуста, без малого четыре года отдавший срочной службе, пытался выклянчить у командира роты командирскую должность:

– Товарищ майор, дайте мне отделение, и я сделаю из них людей.

Но опытный Николай Николаевич, помня недавнюю мандатную комиссию, справедливо решил, что делать из нас людей будут другие. И «старый морской волк», как Вася любил себя называть, наравне с нами ходил в наряды, чистил картошку и натирал полы.

Надо отдать должное нашим офицерам-воспитателям, они каким-то образом вычисляли новоявленных солдафонов и старались не допускать к такой желанной для них власти. В учебный год мы вступили с принципиальными, но справедливыми младшими командирами, пользующимися авторитетом в курсантской среде. Несколько «козлов», правда, осталось, но их спесь постепенно угасала, а уж после начала полетов кое-кто вообще ходил, как побитая собака.

Но это будет потом, а сейчас нас испытывали на прочность плац и неистовая старательность младших командиров, готовых хоть сутками гонять нас по этому плацу. Несколько раз в неделю строевые занятия проводил сам командир батальона курсантов летного факультета, подполковник Владимир Петрович Смолин. Строевик до мозга костей, он лично демонстрировал все приемы, да так, что ему позавидовал бы любой офицер Кремлевского полка. Невысокий, но ладно скроенный, Смолин до того молодежато гарцевал по плацу, что иногда при поворотах фуражка его по инерции разворачивалась на сто восемьдесят градусов. За плотное телосложение, круглое лицо с полными щеками и маленькими глазками он получил не совсем лестные клички «Свинья» и «Поросенок». Прозвища с удивительной легкостью к нему прилипли. Стоило подполковнику появиться в местах обитания курсантов, как мимолетно разносилось:

- Свинья идет!
- Агас! Поросенок!

Предупреждение было всегда кстати, потому что он и от нас требовал такого же трепетного отношения к Уставам и строевой выучке. Это был один из тех офицеров, который мог найти у черенка лопаты двадцать недостатков. Не дай Бог, если попадешься ему один на один. Остановив курсанта, он обычно начинал с того, как отдано воинское приветствие. Переходить на строевой шаг с поворотом головы надо было не больше и не меньше чем за шесть шагов. Рука выше локтя должна быть строго параллельна земной поверхности. Если тебе удавалось четко отдать приветствие, Смолин придирался к внешнему виду. Я не помню, например, ни одного из нас, кто, на его взгляд, затягивал бы ремень по требованиям Устава: ты должен был ощущать его позвоночником даже со стороны живота!

Сам Смолин отдавал воинское приветствие офицерам, равным и выше по званию, строго как положено – за шесть шагов до предполагаемой встречи переходил на строевой шаг «с ритмом сто двадцать шагов в минуту, с подъемом ноги не менее тридцати сантиметров, одновременно с этим прикладывая руку к козырьку и резко поворачивая голову в сторону предмета приветствия». Основная масса офицеров училища всю службу провела в авиации и приходила от подобного в состояние ступора, особенно когда это случалось впервые. Младших по званию офицеров Владимир Петрович заставлял так же приветствовать его, а если те игнорировали, рапортом докладывал начальнику училища о вопиющем нарушении субординации. Подполковники с ужасом ждали, когда Смолин получит повышение: ведь он и их тогда заставит приветствовать его таким способом!

На занятиях Смолин «издевался» над нами профессионально. Несколько часов кряду под дробь барабана мы сапогами утрамбовывали асфальт громадного плаца, стирая в кровь не привыкшие к таким нагрузкам ноги. Показав строевой прием, комбат обычно поднимался на трибуну и с ее высоты, как ястреб на охоте, внимательно следил за нашими движениями. От него не ускользала и самая малейшая ошибка.

В добром расположении духа обычно он выкрикивал оттуда:

- Мальчик, я тебя вижу!
- Мальчик, почему нет отмашки рук? Мальчик, я тебя вижу!
- Мальчик, почему не тянешь носок? Мальчик я тебя вижу!

Такое обращение имело важное психологическое значение. Мы ведь не могли видеть, куда смотрит комбат, и каждый считал именно себя тем самым «мальчиком», поневоле стараясь и руками махать, и носок тянуть.

Иногда он выводил наиболее неспособных перед строем и заставлял выполнять те или иные приемы. Неловкость товарища почему-то вызывала у толпы злорадный смех и чувство собственного превосходства. В тот момент мало кто думал, что на месте неумехи-курсанта он сам выглядел бы не лучшим образом. «Лестные» прозвища, вылетающие из уст Смолина – от «беременной барышни» до «беременного ишака» – усиливали воспитательный эффект и подогревали курсантский гогот. Поэтому многие, испытав однажды такое «внимание» комбата к их персоне, люто его ненавидели.

Его неукоснительная преданность Уставу породила массу училищных анекдотов и легенд. Так, например, рассказывали, что однажды, будучи дежурным по училищу, Владимир Петрович не пропустил на территорию свою жену, которая спешила в военторг. Остановив ее на КПП, он строго потребовал:

- Гражданка, предъявите пропуск!
- С ума сошел! Володя, ты что, меня не узнаешь?
- Гражданка, прекратите посторонние разговоры и предъявите пропуск!
- Володя, соседка сказала, в продуктовый колбасу завезли, а я пропуск забыла!
- Гражданка, покиньте служебное помещение!

В другой раз, когда сын, курсант-первокурсник, прибежал в самоволку похлевать домашней пищи, отец-служака посадил его в машину и сам отвез на гарнизонную гауптвахту.

Вот таким был наш командир батальона.

БАМАГА, КОЛИК... «Терпи! Скоро все закончится!»

К заместителю командира батальона по политической части, майору Голованевскому, крепко прилипо прозвище «Бамага». К месту и не к месту он вклинивал в свою речь это свое любимое словечко-паразит «бамага»:

- К нам в училище пришла «бамага»,
- Вот сейчас я вам прочитаю «бамагу»,
- Согласно «бамаге» увольнения запрещены.

Курсанты всегда ждали «Бамагу», и когда она таки возникала, дружно веселились. А так как с чувством юмора у замполита была напряженка, а истинную причину смеха никто ему объяснить не смел, майор воображал, что это дань его остроумию. Довольная улыбка растекалась на его лице. «Бамага» как тень ходил за комбатом, не скрывая своего восхищения его командирскими талантами и выправкой. Впоследствии, надо сказать, он сломал личную жизнь не одного выпускника, путем шантажа заставляя жениться на обманутой, с его точки зрения, мимолетной подружке: обещал послать «бамагу» к месту службы новоиспеченного лейтенанта.

Зато уж командир роты, майор Николай Николаевич Коломийцев, обладал редчайшим природным чувством юмора. Мы искренне смеялись при его комментариях и разборах. На его беззлобные шутки никто не обижался, и кличка у него была ему подстать уважительная, немного колкая, но теплая: «Колик».

Был у нас и командир взвода, литовец, капитан Узневичус, отличавшийся явно садистскими наклонностями. Он обычно выбирал во взводе себе две – три жертвы и с завидной постоянностью над ними измывался. Худому и длинному как жердь, к нему устойчиво прилипли клички «Геббельс», «Мессершмит», «Фашист» и «Э-панимаешь». Последней он был обязан благодаря слову-паразиту, выговариваемому со специфическим литовским акцентом. Среди жертв этого ярого «литовского националиста» оказался и я. Не знаю уж, чем я ему «понравился», возможно, длинной, не складной фигурой, возможно худобой, но ко мне он цеплялся по всякому поводу и без повода. Редко проходила неделя, чтобы я не получил наряда вне очереди или не лишился очередного увольнения в город. Так, кстати, было и с предшествующими курсами. Из уст в уста передавалось последующим поколениям, что ни один выпуск не проходил без бития «морды» ненавистному офицеру. Но наиболее изящно и коварно отомстил за измывательства лейтенант Смолин, однофамилец нашего комбата. Прибыв в очередной отпуск, он в городе случайно встретил Узневичуса. Сделав вид, что несказанно обрадовался такой неожиданной и «приятной» встрече, пригласил его отпраздновать это дело в ресторане. На халяву, как говорится и уксус сладкий, и капитан с удовольствием согласился. Заказав шикарный стол, и хорошо выпив, лейтенант, видимо обуреваемый нахлынувшими воспоминаниями, под предлогом сходить в туалет, ушел и не вернулся. Узневичус, прождав минут двадцать, и почувствовав неладное, решил потихонечку ретироваться. Но не тут-то было, бдительный официант, тоже обратил внимание на ерзающего в одиночестве капитана. Преградив ему, путь на выход, он предложил сначала рассчитаться. Так как у доверчивого офицера денег с собой не было, то пришлось оставить в залог часы и удостоверение личности офицера. Так мстил народ за «отеческую» заботу своему командиру – наставнику. Только на четвертом курсе, когда мы после летней практики приехали сдавать Государственные экзамены, Узневичус переменял свои отношения к своим бывшим жертвам, на откровенно подхалимские и заискивающие. Но и с нашим курсом ему не повезло, «морду» ему начистили и в этот раз. Не нарушать же заложенную не нами традицию, правда, я в этом не участвовал.

Тренировки, строевые занятия, зубрежка уставов изматывали так, что к отбою, из последних сил подшив подворотнички и надравив сапоги, мы падали в свои армейские кровати как убитые. К тому же нас стали привлекать к работам на кухне. Раз в неделю мы всем отделением шли чистить картошку. Если картофелечистка была исправна, нам оставалось только вырезать «глазки», и к полуночи мы обычно управлялись. Если же машина ломалась, то картошку приходилось чистить вручную, и мы освобождались часам к пяти утра. Всю ночь работать в сыром холодном помещении, с мокрыми бетонными полами, с отвратительными запахами солдатской столовки было занятием не из приятных. Это, к тому же, не считались нарядом, и никакого отдыха нам не полагалось. Забывшись на час, мы вскакивали по ненавистой команде «Подъем!», и начинались муки очередного дня курса молодого бойца – КМБ. Для всех, и для меня в том числе, это было тяжким испытанием, но я постоянно твердил себе:

– Терпи! Скоро все закончится!

И терпел. Несколько «маменькиных сыночков» не выдержали и написали рапорта на уход из училища. Так как присяга еще не была принята, их отчислили без проблем.

«Пошел!»

Прекрасной разрядкой серых будней КМБ стали для нас прыжки с парашютом. В середине сентября стояла прекрасная теплая осенняя погода.

Два дня мы усиленно изучаем устройство парашюта и теорию прыжка. Еще один день тренируемся в парашютном городке. Бесконечное множество раз взбираясь в кусок вырезанного фюзеляжа Ан-2 и прыгая в дверной проем, отрабатываем правильное отделение от самолета. Столько же раз поднимаясь по ступенькам многоуровневого металлического сооружения и прыгая с высоты двух метров, отрабатываем приземление. Наконец пройдены и всякие нештатные ситуации: перехлест строп, неоткрытие купола основного парашюта, приземление на лес и на крышу дома, приводнение и тому подобное...

– Готовы?

– Готовы! – хором отвечаем мы, измученные дотошными офицерами кафедры парашютно-десантной подготовки.

На следующий день, ранним утром, нас привезли на аэродром. Бодрила утренняя прохлада, приятно щекотало нервы предчувствие чего-то необычного. Никакого страха не было и в помине. И вот, на «пристрелку» поднимается Ан-2.

Монотонно урча тысячесильным двигателем, он набирает высоту восемьсот метров и выбрасывает многострадального «Ивана Ивановича». Обмякшее тело вечного, непогибающего парашютиста относит на край летного поля. Учтя поправку на ветер, Ан делает второй заход с набором высоты, и от него отделяются едва видимые точки: это спортсмены-парашютисты совершают затяжной прыжок. Во время падения они выполняют акробатические трюки. За чистотой трюков пристально наблюдает в громадный морской бинокль тренер, умудряясь при этом делать какие-то пометки на белом поле пластикового планшета. На высоте метров пятьсот-шестьсот небо становится празднично нарядным от раскрывшихся разноцветных куполов. Спортсмены, то натягивая, то отпуская клеванты, стараются приземлиться точно в центр креста из белых полотнищ.

Наконец и нам дан последний инструктаж. Звучит команда:

– Надеть парашюты!

Натягиваем громадные ранцы безотказных десантных парашютов ПД-47. Пропускаем между ног обхваты, собираем лямки в замок, туго затягиваем их свободные концы, подсоединяем запасные парашюты. Опытные инструктора внимательно нас осматривают, для верности проверяя ладонью результаты наших действий. Мягкий хлопок по спине означает, что все нормально.

В ожидании посадки в самолет располагаемся и рассаживаемся, по примеру опытного парашютиста, на площадке поросшей травой. Откинувшись, как на спинку стула, на ранец парашюта и положив руки на «запаску», блаженно вытягиваем ноги и вдыхаем запах утренней травы.

Наконец-то нас приглашают в самолет. И вот мы в салоне. Ощущая копчиком край жесткого металлического сиденья, как нахохлившись от холода воробы, устраиваемся вдоль левого и правого борта. Самолет выруливает на старт и после короткого разбега отрывается от земли. В иллюминаторе видно, как стебли травы сливаются в одну сплошную зеленую массу.

На высоте сто метров инструктор подсоединяет карабины наших парашютов к тросу, для проверки дает нам фал, идущий от карабина, в руку и дергает его. Неподсоединение карабина однозначно приведет к нераскрытию купола основного парашюта, так как фал стягивает его чехол и никакая другая, даже «нечистая сила» не стащит его. Такие случаи уже были, и не раз, при этом единственным шансом на спасение остается «запаска», воспользоваться которой «перворазники» (впервые выполняющие парашютные прыжки) не всегда могут. Подсоединив карабин своего парашюта, инструктор открывает дверь, и в салон, вместе с мощным гулом работающего на максимальном режиме двигателя, врывается резкая струя прохладного воздуха. Сквозь дверной проем видим голубое небо и проплывающую внизу землю – лоскуты полей и жирные линии зеленых лесополос, освещаемые только что взошедшим солнцем.

Набрав высоту восемьсот метров, самолет выходит на «боевой курс». Я осматриваю салон самолета, наблюдаю за реакцией своих однокурсников. Все сидят в той же позе нахохлившись воробьев, серьезные и сосредоточенные, но не подающие вида, что происходит что-то сверхъестественное и страшное. Не знаю, какие ощущения были у моих сотоварищей, лично у меня страха, как такового не было. Я получал громадное удовольствие от прохладных вихрей, гуляющих внутри самолета и от рёва двигателя, вида из иллюминатора и распахнутой двери, и от мысли, что совсем скоро мне предстоит шагнуть в этот дверной проем. И только где-то далеко-далеко таилась маленькая подленькая мыслишка, а вдруг на самом краю мне не хватит решимости сделать этот шаг. Короткий, противный рёв сирены и яркий желтый свет лампочки над дверью пилотов вывел меня из задумчивого состояния. Это команда «Приготовиться». Выпускающий жестом приглашает первую двойку на выход. Они подходят к двери, сгорбившись ждут команды на прыжок. Выпускающий, держась одной рукой за поручень и высунувшись почти полностью из двери, другой рукой уточняет пилоту направление перед выброской. Затем его рука делает жест, похожий на тот, каким требуют от гладиатора «казнить». Резко снижаются обороты двигателя, и загорается зеленый сигнал, надрывно и протяжно ревет сирена. Первая двойка обреченно, но бесстрашно шагает за борт самолета. Выпускающий ловким, отработанным движением затаскивает в салон чехлы парашютов и взглядом отслеживает спуск только что выброшенных ребят. Взрывает двигатель, загорается красный сигнал – это чтобы «сдуру» никого не выбросили, самолет разворачивается на повторный заход, и все повторяется.

Вот и моя очередь. Совершенно не испытывая страха, сторбленный в три погибели подхожу к дверному проему и жду команды. Ревет сирена, это значит:

– Пошел!

По легкому толчку выпускающего понимаю, что пора, стараюсь все делать как учили, шагаю навстречу земле. «Лечь на поток» не получилось. Несколько раз перевернувшись, успешная разглядеть удаляющийся зеленый фюзеляж АН-второго, ощущаю легкое встряхивание и оказываюсь под куполом парашюта. Глянув вверх, с тревогой замечаю, что стропы скручены в несколько витков, но в то же мгновение они начинают раскручиваться вместе со мной, и я с облегчением понимаю, что парашют раскрылся по штатной схеме. Поражает наступившая тишина и чистейший воздух. Внизу живописнейшая картина нашей матушки Земли, которую можно увидеть только с высоты. Меня охватывает эйфория и восторг, гордость за самого себя, совершившего такой «героический» поступок. Резкий спад психологического напряже-

ния, чистейший и приятно прохладный утренний воздух порождают неописуемое чувство блаженства. Слабый шелест купола и строп парашюта кажется прекрасной музыкой. Хочется, чтобы все это продолжалось как можно дольше.

– Господи, как хорошо! – невольно проносится у меня в голове, наверное, последствия моего религиозного детства.

– ...Стань на малый! – возвращает меня к действительности, «глас Божий», пришедший ни сверху, а снизу.

Очнувшись и оглядевшись, понимаю: команда относится ко мне. Очарованный спуском, я напрочь забыл, что впереди самое главное – приземление. Меня несло, куда Бог послал, а послал он меня совсем не туда, куда надо, и несло меня прочь от летного поля. Натягиваю клеванту с правой стороны. Купол парашюта как бы нехотя, плавно развернулся на сто восемьдесят градусов. Летное поле с белым крестом площадки точного приземления стало возвращаться под ноги.

– Так и иди! – одобрительно донеслось снизу.

Метрах в ста от себя на той же высоте вижу Ваську Подкорытова. Я окликнул его, и он тоже узнал меня, мы перекинулись восторженными междометиями. Земля стала стремительно приближаться. Жесткое, но вполне терпимое приземление. Удержаться на ногах не удалось, и я завалился на бок. Неподалеку сияет круглая и счастливая рожа Васьки. Смотав «косичкой» стропы и взяв в охапки купола парашютов, мы радостные побрели к месту сбора.

Через час я прыгнул снова и на этот раз очень удачно «лег на поток». Эйфория немного притупилась, но счастью не было предела. Вот он первый, реальный шаг в небо. Любовь к прыжкам у меня осталась на все время, пока врачи не выдали запрет. В авиации есть такой парадокс, к полетам ты можешь быть годен без ограничений, а вот прыгать могут и запретить. Но со мной это произойдет через много лет службы, и к тому времени я успею «напрыгать» полторы сотни прыжков, очень даже немало для строевого летчика полка...

За партией

«Война – это прекрасно!»

Муки КМБ позади. Выучив строевые приемы на месте и в движении, одиночно и в строю, под оркестр и без него, с оружием и без оногo, мы закончили курс молодого бойца и на центральной площади города торжественно приняли присягу на верность Родине – Союзу Советских Социалистических Республик.

Началась настоящая учеба.

Мне запомнился первый урок. Это была математика. В аудиторию входит стройная симпатичная молодая женщина – преподаватель Нина Сергеевна Кархина. Командир отделения Саня Камчатный дает команду:

– Встать! Смирно!

Но, заглядевшись на красивую математичку, мы как-то и мысли не допускаем о положенном щелканье каблуками и несколько вальяжно отрываем свои задницы от стульев. И вдруг из прекрасных женских уст звучит короткий как выстрел металлический приказ:

– Отставить!

Разочарованные и обмякшие мы дружно падаем на стулья.

После повторной команды вскакиваем, как положено, вытягиваемся в струнку и пожираем глазами «солдафона» в юбке. Впоследствии оказалось, что строгость нашей преподавательницы была напускной. Она искренне любила и уважала курсантов, была прекрасным учителем и чутким человеком.

В ускоренном темпе в течение первого семестра мы прошли минимальный курс общих предметов для высшего учебного заведения. Второй и третий семестры были гораздо интереснее, так как тут уже в основном изучались авиационные науки, и все было пропитано духом предстоящих полетов. С большим интересом и желанием я постигал аэродинамику, термодинамику, теорию реактивных двигателей, самолетовождение, метеорологию и тактику.

Нам особенно нравилось, когда педагоги неформально преподавали свой предмет, а приводили примеры из собственной службы и летной жизни. Так, от метеоролога мы узнали, что в Великую Отечественную орденом Ленина был награжден один-единственный синоптик. Перед началом важной стратегической операции его вызвали в Ставку доложить прогноз погоды. Предупредили: в случае, если прогноз оправдается, его ждет награда, если нет – расстрел. Прогноз оказался удачным.

Преподаватель самолетовождения очень интересно рассказывал, как они обучали летчиков в Китае. Приступив к полетам на Ту-16, китайские пилоты почему-то очень часто в воздухе теряли сознание. Наши инструктора начали искать причину. Она оказалась банальной. Китайское руководство решило, что летчик сидит себе в кабине и получает от этого моральное удовлетворение, а вот наземный состав и в жару и в стужу готовит технику к полетам, затрачивая много физических сил. Поэтому рацион пилотов составлял только рис, а технарям полагалось и мясо. Конечно, доложили об этом высокому начальству, навели порядок. После усиленного питания летчиков голодные обмороки прекратились. Наверное, до сих пор эти летчики благодарят наших инструкторов за летную пайку.

Но больше всего нам нравилось слушать байки преподавателя кафедры тактики Героя Советского Союза полковника Глотова. Свою Звезду он получил почти в нашем возрасте, и самые лучшие воспоминания его были связаны с войной. Ему нравилось, когда курсанты уговаривали его рассказать какой-нибудь эпизод из фронтовой жизни. Сделав паузу, как будто решая, стоит ли поддаваться на уговоры, он, не торопливо мечтательно произносил:

– Война – это прекрасно!

И начинал рассказывать.

Окончив в девятнадцать лет летную школу по ускоренной программе, то есть, едва научившись взлетать и садиться, он попал на фронт. Тут, кстати, хотелось бы заметить вот что. Наше государство всегда отличалось величайшим «гуманизмом» в отношении своих граждан, и человеческая жизнь для него никогда ничего не стоила. Тысячи недоученных пилотов сжигались в гигантской военной топке. Немцы даже в самое трудное для них время посылали на фронт летчиков с налетом не менее трехсот часов. Советские же пилоты оказывались на передовой, получив около пятнадцати часов полета, ничего толком не умея. Как правило, большая их часть погибала в первом же воздушном бою.

А первый воздушный бой нашего будущего Героя был таким. Перед вылетом ведущий поставил перед ним задачу: во что бы то ни стало удержаться в строю и не потерять его. Опытный командир, понимая состояние юнца, говорил ему:

– Не надо никого искать, не надо прицеливаться и стрелять! Держись в строю, чтобы я ни делал. Удержишься – выживешь, не удержишься – собьют как куропатку.

Когда начался воздушный бой, молодой пилот какое-то время пытался держаться в строю, но куда там. Так все завертелось и закружилось, что он в какой-то момент потерял ведущего. Попав в невероятную круговерть, шестым чувством понимая, что по прямой лететь нельзя, молодой летчик начал таскать свой летательный аппарат во всех плоскостях. Вокруг мелькали силуэты самолетов, кто свой, кто чужой – он не признавал. И вдруг прямо перед его носом появился громадный транспортник со свастикой на фюзеляже и крыльях. Готов, не помня как, нажал на гашетку и в упор выпустил в него длинной очередью весь боезапас. Подбитый самолет вспыхнул громадным факелом и, перевернувшись через крыло, исчез из поля зрения. Не запомнил, как закончился бой, и как отыскал свой аэродром, и как приземлился. А там его уже ждала машина, присланная Командующим Фронтом, который случайно наблюдал за воздушным боем и видел, как был сбит военно-транспортный «Юнкерс». Готов об этом, естественно, не знал. После вопроса командующего:

– Что же ты натворил, сынок? – он подумал, что его сейчас поведут на расстрел. А тот повез перепуганного лейтенанта к обломкам догорающего «Юнкерса».

– Приезжаем мы туда, а там сорок жареных генералов! И все в крестах! И все в крестах! – с удовольствием вспоминал пятидесятилетний полковник.

Растроганный Командующий обнял юного Героя и тут же у дымящихся обломков повергнутого врага вручил ему орден Красного Знамени. После этого боя молодой летчик почувствовал в себе уверенность и в короткий срок насшибал больше двух десятков немецких самолетов.

Для него война был действительно прекрасным временем. Летчики не сидели в окопах и не ползали на брюхе под пулеметными очередями. Спали в теплых землянках, заслуженно пользовались расположением женщин, питались по летной норме с шоколадом и черной икрой. Многие фронтовики рассказывали, что во время войны пилотов кормили гораздо лучше, чем в мирное время. Дело в том, что начпроды и прочие тыловики боялись пилотов гораздо больше, чем военного трибунала. Не единожды они были жертвами скорых на суд и расправу, увешанных орденами асов. Потому норма летного довольствия соблюдалась неукоснительно. Так-то так, да уцелел из них только едва ли каждый десятый...

Конечно, если сбиваешь только ты, а тебя – нет, если ты здоров и молод, окружен славой и женским вниманием, потери друзей омрачают жизнь, но все равно она кажется прекрасной.

Много интересного рассказывал нам Герой Великой страны, еще больше бы, думаю, он рассказал сейчас, когда сняты многие шоры с отображения нашей Истории. Но и тогда, впервые, он нам намекнул, что больше всех сбили самолетов не наши официально прославленные – честь им и хвала – асы Кожедуб и Покрышкин. Был, оказывается, такой летчик-испытатель, который сбил самолетов больше, чем два трижды Героя вместе взятые. Но об этом нет досто-

верной информации и поныне. Говорят, сбил его прославленный немецкий ас Эрих Хартманн, и когда тот приземлился на вражеской территории, «вывез» его на своем истребителе из-под обстрела немецкой пехоты, и якобы сам Сталин не смог ему этого простить. А кто-то говорит, что был он в плену, и компетентные органы тоже ему этого не простили. Наверное, военные историки когда-нибудь во всем разберутся, если остались хоть какие-то архивные следы. К слову сказать, что Эрих Хартманн был и остается самым результативным летчиком-истребителем в мире, на его счету 352 сбитых самолета, в том числе 345 побед над советскими самолетами. Но в то время нам эту «горькую» правду никто не говорил. Можно долго рассуждать об эффективности немецких и наших пилотов, к сожалению, выводы будут не в нашу пользу.

Тренажеры

В конце первого курса, перед самым отпуском, в нашем отделении произошло ЧП. При сдаче зачетов по физической подготовке получил серьезную травму Валера Карапетян. Был он чемпионом училища по лопингу. Лопинг – это такой специальный снаряд для тренировки вестибулярного аппарата. Своего рода качель, которая может вращаться в двух плоскостях. Не выдержали и оборвались страховочные ремни, которыми были привязаны руки Валеры к поручням лопинга. На большой скорости он попал под ножные опоры и поломал позвоночник. У него был первый разряд по гимнастике, он был чрезвычайно гибким, наверное, это и спасло его от гибели. Любой другой на его месте вряд ли вынес бы такое.

Его старший брат-погодок Мартин Карапетян учился на курс старше, успешно окончил училище, стал впоследствии заместителем начальника центра переучивания и подготовки летного состава авиации войск ПВО, Заслуженным военным летчиком России, был одним из немногих пилотов Советского Союза, летавших на дозаправку в воздухе на самолетах Су-27 и МиГ-31. Несомненно, и Валерий достиг бы не меньших успехов, если бы закончил училище.

А у нас к спортивным снарядам вскоре прибавились тренажеры. На втором курсе начались занятия на тренажере самолета Л-29. Для меня это было безумно интересно, и я с удовольствием при любой возможности «летал» за себя и за того парня. Благо, этим пренебрегали многие курсанты. Они, ссылаясь на опытных летчиков, считали, что от тренажеров один только вред. Конечно, тренажеры не давали полной иллюзии полета, но они приучали быстро ориентироваться в кабине, позволяли отрабатывать приборный полет, испытывать себя в кое-каких нештатных ситуациях, а тренажер Л-29 для своего времени был, возможно, самым совершенным.

Командование училища очень серьезно относилось к тренажной подготовке. Тренажеры всегда были исправны и хорошо отрегулированы. Инструкторами работали бывшие пилоты, имеющие большой летный опыт и обладавшие прекрасными методическими навыками. Они чувствовали, кто действительно одержим полетами, и очень доброжелательно к ним относились. Помню, как однажды после очередного «полета» инструктор сказал:

– Из тебя выйдет хороший летчик!

У меня после этих слов будто крылья выросли.

Но лучше всего полеты на тренажере получались у Коли Неснова. Местный парень, он имел в родственниках кого-то из работников тренажера и беспрепятственно мог «летать» сколько угодно и когда угодно. И даром такую возможность не терял. В конце концов, Коля превзошел своих учителей-инструкторов и «летал» так, что даже они восхищались его мастерством. Я несколько раз наблюдал за ним, и ни до, ни после за всю свою жизнь в профессии не видел, чтобы кто-то так «летал» на имитаторе. Все элементы пилотажа у него были по нулям, то есть без малейших отклонений. Впоследствии Николай единственный из нашего выпуска стал летчиком-испытателем.

Но как бы хорошо ни получались у нас «полеты» на тренажере, все равно мы понимали, что реальный полет гораздо интереснее. Не зря ведь говорят, что заветная мечта курсантов на первом курсе – полеты, на втором – полеты на боевом самолете, ну а на третьем и четвертом – лейтенантские погоны и боевой полк.

«Высушил майорки?»

Для большинства моих товарищей по училищу, да и для меня тоже, пожалуй, самым трудным было совмещение самой учебы и армейского быта. Ограничение свободы, жесткий распорядок дня, несение внутренней службы... Все, кто не смог совмещать учебу со службой, училище покидали. Серьезных нарушений воинской дисциплины на нашем курсе я не припомню. Вот, разве, Лапин, в просторечье Лапа, этим отличился. Но о нем чуть позже. Мелких же нарушений в виде неподшитого подворотничка, плохо вычищенных сапог, пятиминутного опоздания из увольнения или сна в наряде, конечно, хватало.

Кстати сказать, нормальный курсант мог спать всегда, везде и в любой позе. Мой друг Толик Голушко однажды, дежуря по роте, решил «прикорнуть» в ротной сушилке, основное предназначение которой – сушить наши сапоги и портянки. Температура там поддерживалась не менее шестидесяти градусов по Цельсию. Пропитанная за долгие годы «ароматом» курсантских сапог и портянок, у меня она вызывала просто-таки рвотный рефлекс. Но Толик был не столь щепетилен и, бросив на пол пару матрасов, с удовольствием отошел ко сну. В будний учебный день в казарме никого, кроме наряда, не было. Офицеры через полтора года нашего обучения, когда уже все шло по хорошо отлаженной системе, излишним вниманием казарму не баловали, но в тот раз, как на грех, ее посетил ротный командир. Дневальный, как и положено, был «на тумбочке» и бойко доложил, что за время дежурства ничего не произошло. На вопрос ротного: «Где дежурный?» – он неопределенно пожал плечами.

Зная нас как облупленных, Николай Николаевич справедливо предположил, что Голушко где-то дрыхнет. На то он и командир роты, чтобы знать все любимые места «курсачей». Обойдя все закоулки и не найдя курсанта, заглянул в сушилку. Устав от непосильного армейского быта, и обомлев от жары, курсант забылся мертвецким сном, однако тихое посапывание говорило о том, что он скорее живой, чем мертвый. Николай Николаевич впервые за долгую службу обнаружил курсанта спящим в таком месте.

– Курсант Голушко!

Тот командирского голоса не услышал и продолжал спать сном праведника. Ротный стал его тормошить. Толик мычал, мотал головой и никак не хотел пробуждаться. Ротный приказал принести ведро воды. И только после того как его окатили, Голушкин вскочил и, глядя безумными глазами на майора, приложив к «пустой» голове руку, скороговоркой отрапортовал:

– Товарищ Портянкин, дежурный по роте курсант Голушко, майорки сушу!

– Ну и как? Высушил майорки? – в тон ему спросил невозмутимый ротный.

– Так точно, высушил! – отчеканил курсант, еще не поняв белиберды, которую нес.

– А по-моему, тебе их придется досушивать на гауптвахте.

– Так точно! – с готовностью ответил курсант, до которого наконец-то дошел смысл происходящего.

Ротный на вечернем построении рассказывал нам о случившемся так, что все покатывались со смеху. С тех пор каждый курсант при встрече с Толиком считал своим долгом спросить:

– Ну, как майорки, высохли?

Беззлобный Голушко не обижался.

А ротный Толика простил. Правда, дежурным по роте ставить запретил.

Он вообще предпочитал не выносить сор из избы, то есть из казармы. Так было и в истории с сержантом Крыжановским. Все младшие командиры у нас были нормальные, злобствовал только этот старшина роты. Круглый двоечник, он ничуть не испытывал, однако, комплекса неполноценности. С пристрастием следил за распорядком дня, за формой одежды, ни на секунду не давая нам расслабиться. Ничто не ускользало от его въедливого фельдфебельского взгляда. Зато и был же он отомщен! Однажды, проснувшись, как положено младшему

командиру, за десять минут до подъема и сунув ногу в сапог, сержант с омерзением обнаружил, что тот наполнен свежей мочой. Командир роты провел свое расследование и высчитал остроумца. Им оказался курсант Завалей, хотя я предполагаю, что даже такой незаурядной личности, как Завалей, «надуть» больше двух литров в сапог не под силу. Но он, молодец, всю ответственность взял на себя. Дело закончилось «тихим» разбирательством в роте. А Крыжановский, по-моему, призадумался, почему же ему «надули» полный сапог.

Госпиталь

В конце третьего семестра, перед самыми полетами, я чуть было не лишился не то что профессии, но и самой жизни. У меня начались резкие боли в животе. Наступала экзаменационная сессия, пропускать подготовку не хотелось, и я, преодолевая боль, ходил на занятия. Когда терпеть стало невозможно, я под прикрытием младших командиров решил отлежаться. Прошло три дня, а мне все хуже и хуже. Обращаться к врачам я категорически отказывался, опасаясь, что спишут. Мы это уже не раз «проходили»: стоит обратиться с пустяковой жалобой на пустяковый недуг, как вмиг окажешься в госпитале, а оттуда редко кто возвращался неписанным.

В конце третьего дня, когда товарищи поняли, что я стал бредить, они, невзирая на мои мольбы, повели меня в санчасть, вернее, поволокли – ноги передвигать я был не в состоянии. Дежурный врач быстро и точно диагностировал банальный аппендицит и на санитарной машине отправил меня в гарнизонный госпиталь. В два часа ночи хирурга в госпитале не оказалось, за ним послали машину и, как я понял, вытащили из-за стола. Довольно крупного размера мужик, с толстыми пальцами и рыжими на них волосами, громко возмущался на нашем русском, матерном языке, свирепо и с презрением смотрел на свою жертву, то бишь на меня, немигающими глазами, с такими же рыжими ресницами.

– Ну, что «покойничек», приступим! Не бойся, я тебя не больно зарежу! Будешь знать, как хороших людей из-за стола вытаскивать! – при этом, ничуть не стесняясь присутствующих женщин-медсестер, он так виртуозно матерился, что ему позавидовал бы самый фартовый одесский грузчик.

Свежий перегарчик почувствовал даже я, несмотря на его марлевую повязку, и мое состояние души и тела. А состояние тела было таково, что из него вот-вот могла выскользнуть душа. Поэтому, все угрозы я воспринимал с величайшим спокойствием, божественным послушанием и покорностью, и почти библейским покаянием. В моем состоянии, мне было совершенно наплевать, как меня зарежут, скорее бы уж. Видя, что его слова не доходят до моих ушей, доктор, больше похожий на профессионального палача, чем на представителя этой гуманной профессии начал откровенно издеваться над моей худобой:

– Ты что, действительно курсант-летчик? А, что у Вас в училище не кормят? Или для самолета есть ограничения по весу? Или тебя из Бухенвальда привезли? – никак не успокаивался эскулап, в ожидании, когда начнет действовать обезболивающее.

Белую шторку, которую повесили над моей грудью, чтобы закрыть обзор, хода операции, отнюдь не соответствовала своему предназначению. В зеркале отражателя громадной лампы я видел, как твердая и умелая рука сделала надрез на правой стороне моего живота, как специальными зажимами расширили края моей раны, и доктор полез ковыряться в моих внутренностях, что-то раздвигая и перебирая. По всей видимости, мне вкололи изрядную дозу морфия, который также начал свое действие, и на смену безразличия к своей жизни пришло осознание, то жить все-таки здорово.

Понимая, что я попал в руки пьяного хирурга, где-то далеко зародилось сомнение в его способности меня исцелить. Тупая боль все больше и больше пронизывала тело. Я начал тихо постанывать, давая понять, что мне это не очень нравится. Хирург обозвал меня кисейной барышней и неженкой. И тут молодая сестричка сильно прижалась упругой грудью к моей левой руке. С этого времени я уже не думал о боли, а усилием воли старался побороть возникающее желание. В пору юношеской гиперсексуальности никакая боль не была для него помехой. Все мои усилия были направлены на борьбу с подступающей эрекцией.

– Повезло тебе курсант, перитонит, – сказал хирург, бросая в тазик, что-то кровавое и гнойное, заканчивая операцию.

– Поправляйся! И набирай вес!

В то время я еще не знал, что опыт не купишь, но и пропить его также невозможно.

В разрез мне вставили тонкую резиновую трубку, через которую шприцом регулярно вводили лекарство. Температура держалась под сорок, мучила постоянная боль в животе. Сначала ее успокаивали морфием, потом в нем стали отказывать, намекая на то, что я стану наркоманом. Я постоянно ныл и просил милостивых сестричек вколоть дозу морфия. На что они неохотно, но соглашались. Так продолжалось, как мне показалось, бесконечно долго. Наконец-то, через неделю моих мучений, трубку, похожую на велосипедный ниппель, вытащили. Я, честно говоря, был удивлен ее размерами, как мне показалось не менее полутора метров длиной. Как только мое брненное тело лишилось инородного тела прошла «температура» и я, памятуя о предстоящих полетах, стал ныть, что бы меня выписали. Еще дней через пять, даже не сняв швы, меня определили на выписку.

Как блестят у кота яйца

Забирать меня прибыл злостный нарушитель дисциплины, пьяница и оболтус Сергей Бутаков. Только мы скрылись за воротами госпиталя, продлившего жизнь и сохранившего для Родины летчика, как он тут же предложил отметить мою выписку и потащил в любимую всеми курсантами «забегаловку». Я скептически отнесся к его предложению, так как, вряд ли это лучший способ реабилитации после операции, тем более, при еще не снятых швах. Сергея употребив все свое красноречие, все-таки убедил меня, что алкоголь – лучшее лекарство от всех болезней.

По дороге Серега успел рассказать, что сессия закончилась вчера, все разъехались, остались только «двоечники» и злостные нарушители дисциплины. Надежд на скорые каникулы у него практически нет, так как помимо двоек масса не отмоленных грехов. Мне же, по его словам, повезло: по всем предметам поставили оценки автоматом, и, возможно, уже сегодня я уеду домой.

Уединившись в уютной кафешке, мы взяли бутылку крепленного вина, и приготовились отметить столь знаменательное событие. Но только он разлил по граненым стаканам густой темный напиток, как перед нашим столиком, будто из-под земли, вырос патруль – поджарый капитан и два курсанта училища связи. На протяжении многих лет патрульные курсанты – летчики и связисты – ловили друг друга на радость коменданту гарнизона. Считалось за честь взять с поличным «курсача» из враждебного лагеря. Так как все места, где можно было употребить спиртное, курсанты знали назубок, удача любому патрулю сопутствовала всегда.

Сергей, быстро оценив обстановку, и справедливо решив. Что своя рубашка ближе к телу, бросил меня на верную погибель и через черный ход скрылся. Я же и не пытался бежать, рассудив, что лучше быть здоровым в лапах патруля, чем свободным с дыркой в животе. Меня доставили в училище и сдали на руки подполковнику Смолину. Тот немедленно прописал мне арест на десять суток и приказал дежурному по училищу привести приговор в исполнение. Бравый сверхсрочник, помощник дежурного по училищу, повел меня в санчасть сделать формальную отметку, что я здоров. На мое счастье, дежурил майор, который две недели назад отправлял меня в госпиталь. Узнав, что послеоперационные швы еще не сняты, он позвонил Смолину и в категоричной форме отказался давать разрешение на арест. Я слышал десятиминутный диалог «хорошего» доктора и «плохого» комбата, и обреченно ждал своей участи.

– Владимир Петрович, ведь Вам еще надо получить очередное звание полковник. Ради чего Вам лишние проблемы?

К счастью, последний довод врача более чем убедительным и меня повели назад.

И вот я снова в казарме, отдан на попечение командиру роты.

Пробегающий мимо Серега Бутаков ободряюще похлопал меня по плечу, мол ничего, страшного, что «невыезной».

– Да пошел ты! – понимая, что обижаться мне надо в первую очередь на себя, что повелся у него на поводу.

Командир роты, Колик, осуждающе посмотрел на меня, по-отечески пожурил, и назначил в качестве трудотерапии отчистить в сортире два очка, обросших кристаллизовавшимся камнем от мочи.

– Только ударная работа поможет тебе искупить вину перед Родиной, батальоном и ротой. Чтобы к утру блестели, как у кота яйца! – вполне серьезно благословил меня командир.

Никаких моющих средств, тем более резиновых перчаток, нам никогда не давали. Предполагалось, что курсанты – народ сообразительный и голыми руками все сделают как надо. Недолго думая, я нашел два жженных кирпича и по принципу «глаза боятся, а руки делают» весь остаток насыщенного приключениями дня и большую часть ночи провел в отхожем месте.

В три часа ночи, смертельно уставший, но удовлетворенный, от души полюбовался на белоснежную эмаль и чистейший кафель. Не знаю, как блестят у кота яйца, но вверенные мне два очка наверняка блестели не хуже.

Едва провалился в сон, как от истошного крика:

– Рота! Подъем! – забыв про «несросшийся» живот, отработанным движением сбросил себя со второго яруса и всего через тридцать секунд, в форме стоял у своей кровати. К моему удивлению, таких, как я, в казарме оказалось только человек пять. Остальные отсутствовали.

Красный от ярости, комбат Смолин крыл всех трехэтажным матом, следом за ним бегал рассерженный и взъерошенный Колик. Мы никак не могли понять, что вывело из себя нашего батальонного командира. Через несколько минут притащили виновников внеплановой проверки – совершенно пьяных Витьку Лапина и его друга Николая Юдина. Оказывается, они где-то учинили драку, попали сначала в милицию, а затем были переданы гарнизонному патрулю.

Нам стали читать речи о том, что мы не дорожим честью училища, что позорим высокое звание курсанта, о пользе воинской дисциплины и вреде самоволок и пьянок. Сами виновники торжества без чувств, бездыханно валялись на освободившихся от курсантов, курсантских кроватях без матрасов и постельного белья. Когда лекция перешла в завершающую стадию, неожиданно Лапа «очухался». Он вскочил, вырвал дужку от кровати и с криком:

– Свинья! Поросенок! – бросился на комбата. Тот стал спасаться от взбесившегося курсанта бегством, ловко для своего возраста, лавируя в проходах между кроватями и перепрыгивая их, на ходу крича:

– Арестовать курсанта! Связать курсанта! Я приказываю задержать курсанта!

Никто из нас не решался выполнять мольбу-приказ комбата. Наконец ротный удачно подставил хулигану подножку, и Витька растянулся на полу. Буяна скрутили и уложили на кровать. Бешено извиваясь всем телом, Лапа продолжал вопить:

– Убью всех! А тебя, свинья, в первую очередь!

Наконец силы стали его оставлять, и он забылся. Пришедший в себя комбат, приказал никому не ложиться спать и ждать прибытия из самоволки остальных. До шести утра один за другим приходили после ночных походов ничего не подозревающие курсачи. Им тут же выписывалась записка об аресте, и они понуро брели отбывать наказание. Когда отловили и спровадили на гауптвахту всех гуляк, Николай Николаевич, пошептавшись со Смолиным, выписал нам «самым дисциплинированным» из недисциплинированных, отпускные билеты и приказал тут же убыть в отпуск. Предварительно он осмотрел плоды моих трудов, и, вероятно, блеск очков в сортире совпал с его представлением о том, чему он должен соответствовать.

Схватив отпускной, я бросился в санчасть снимать швы. Мой недавний спаситель опять удивленно посмотрел на меня, не понимая, как я так быстро заслужил прощение, и сказал:

– Ничего страшного, швы снимешь дома в любой больнице!

Терзало меня еще одно. За время моего вынужденного отсутствия однокашники прошли очередную врачебно-летную комиссию. А как быть мне? Спросил майора, а он, оказывается, пока я валялся в госпитале, оформил мне прохождение ВЛК. Предупредив, чтобы я держал язык за зубами, майор по-отечески благословил меня на долгую летную жизнь. Будь я менее сдержанным, расцеловал бы этого милейшего и добрейшего человека.

Бедному собраться – только подпоясаться, а курсанту и того меньше, поэтому, не помня себя от радости, что все так хорошо обошлось, я уже через час был на автовокзале. Домой!

Витька Лапа

Из отпуска мы вернулись веселые, возбужденные: предстояло в ближайшее время надолго покинуть ставшие родными стены училища, разлететься по учебным полкам.

Опальные курсанты, неудачно сходявшие в самоволку, возвращались после гауптвахты в казарму тоже не в лучшем настроении. Грязные, обросшие юношескими козлиными бородами, они с завистью слушали наши рассказы о каникулах, но то, что их не выставили из училища, придавало им оптимизма, и они благодарили судьбу за то, что и на этот раз обошлось.

Печальной была участь Коли Юдина. Его, мастера спорта СССР по гимнастике и акробатике, из училища отчислили. С мечтой о небе пришлось проститься. Организатор пьянки Витька Лапин вышел сухим из воды.

О Лапине надо рассказывать отдельно. Более одаренного человека я в своей жизни не встречал. Витька пришел в наше классное отделение в начале второго курса. Перед строем вывели небольшого роста, ладно скроенного парня в застиранном и полинявшем «хабэ» и представили его нам. Оказывается, Лапа, до того как попасть к нам, два с лишним года проучился в братском Армавирском училище. Летал самостоятельно на самолете Л-29, уверенно проходил программу летной подготовки на аэродроме Персагат в Азербайджане. Но вместе со своим корешем, однокурсником Игорем Макушкиным, после очередной попойки подрался с местным жителем. Преследуя аборигена, они загнали его в туалет и стали караулить, как затравленного зверя. Были сумерки. Когда, по их разумению, азербайджанец вышел, они набросились на свою жертву. Но зверь-то вышел не тот. Избили они ни в чем не повинного майора, летчика-инструктора полка. Да так, что бедняга попал в госпиталь.

Оба курсанта оказались за стенами училища. Макушкин, сын начальника летно-методического отдела нашего училища, отделался легким испугом: на пару месяцев его для остротки перевели в солдаты, а потом восстановили. Лапу же отчислили из училища по-настоящему. Срок службы ему не засчитали, и он на два года загремел в солдаты, в караульную роту, охранять те самые самолеты, на которых совсем недавно летал. Честно искупив вину, он – с подачи того же полковника Макушкина – был восстановлен уже в нашем училище.

Мое личное знакомство с Витькой состоялось в тот же день. Была суббота, и нас отпустили в увольнение. Вечером в городском парке я случайно столкнулся носом к носу со «стареньким новеньким». Он хорошо взял на грудь, но, тем не менее, запомнил меня и не совсем членораздельно попросил предупредить ротного, что часа на два «задержится» в увольнении. Ничего себе! Что же это будет, если за минуту опоздания мы на несколько месяцев лишались права выхода в город? Когда я доложил командиру роты о странной просьбе нового курсанта, Николай Николаевич запричитал и заохал совершенно по-бабьи:

– Ай-яй-яй-яй-яй! Начинается! Ой-ей-ей-ей-ей! Я так и знал! И что мне теперь с ним делать!?

Витек возвратился под утро, нетвердо держась на ногах. Чем закончилась беседа майора и курсанта, я не знаю, но в увольнения он продолжал ходить регулярно, пил и попадался с таким же постоянством.

Как я уже сказал, Витька обладал незаурядными способностями. Имея феноменальную память, он был круглым отличником и учился без всякого напряжения. Придя к нам в начале второго курса, он прошел собеседование с преподавателями дисциплин, экзамены по которым были сданы ранее, и от повторной сдачи его освободили, оставив лишь специальные предметы.

Обладая сверхчеловеческой памятью, он постоянно что-то читал, изучал, анализировал, самостоятельно доходил до сути предмета. Он в непостижимо короткие сроки изучил теорию вероятностей в объеме математического факультета. Философия, история, биология, иностранные языки – все давалось ему удивительно легко. Я не раз наблюдал, как он готовится

к экзаменам. Часа два, как обычно, отсыпается после очередной гулянки. Затем берет в руки учебник и не спеша его перелистывает, затрачивая на одну страницу не более двух-трех секунд. После этого делает небольшую паузу, минут на пять, собирает к доске отделение и по полочкам раскладывает учебный материал.

С появлением в отделении Лапы мы никогда не приглашали на консультацию преподавателей. Самый сложный материал он объяснял с такой доходчивой простотой, что его понимал любой двоечник. Наше двести третье классное отделение постепенно стало лучшим на курсе. К Лапе многие тянулись, а так как он откровенно презирал бездарей, то многим пришлось взяться за учебу.

К середине второго курса он набил руку на сдаче кандидатского минимума. Живая очередь из офицеров – будущих кандидатов и докторов наук – ждала своего часа, когда одаренный курсант сдаст за них вожделенный экзамен. Но был у этого феномена один серьезный недостаток, который постоянно перечеркивал все его заслуги. Он пил и никогда не мог вовремя остановиться. А уж когда переходил предельную норму, поведение свое не контролировал. В девяти случаях из десяти нам удавалось скрыть от командиров очередную его попойку. Но и одного десятого вполне хватало, чтобы командование вставало в тупик: что делать с неординарным курсантом?

Любого другого давно бы выгнали, но ему, как правило, все прощалось. Командование нашего курса относилось к нему хоть и с уважением, но как к неизбежному злу, свалившемуся на их головы. Двоякие чувства блуждали в головах наших строевых командиров. С одной стороны все понимали, что перед ними незаурядный и талантливый человек, которого ждет великолепная карьера, с другой стороны, они также не могли мириться с его пороком, который перечеркивал все его таланты. Был еще один аргумент в пользу Лапы – это его высокий покровитель в лице начальника летно-методического отдела, по сути заместителя начальника училища. Сам Лапа нам рассказал, что он был не просто другом его сына, но и вырос в его семье. По сути, он тоже считался его сыном. Вместе они и поступил в Армавирское училище. И все бы было прекрасно, если бы не та пьяная выходка двух друганов. Тем не менее, полковник Макушкин не переставал опекать своего «приемного» сына, и наши командиры об этом отлично знали. Каждый раз, когда Витек выходил за рамки дозволенного, дело быстро заминалось, а Лапа своей отличной учебой быстро зарабатывал себе «висты» и «прощенный» уходил в очередное увольнение, которое, как правило, заканчивалось попойкой. Когда Лапу восстанавливали, Макушкин поспорил с начальником училища на две бутылки армянского коньяка, что его протеже закончит бурсу с золотой медалью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.